

Г. ЛЫТКИН

Ходоки

Идут России ходоки.
Кошель на палке за спиною.
Дорожных хлябей дни легки.
Идут российской стороною.

И отпечатан след лаптей
На свежей мякоти дорожной.
Они идут из волостей
С народной думою тревожной.
Узнать: землицу как делить —
По едокам или иначе?

Нужду и ветхость как свалить?
Как кулакам задать задачу?
Они идут, и души их
В великом трепетном волнении:
«Неужто их таких простых примет сам товарищ Ленин?»

Робея, входят в кабинет,
В волнение словом не владея.
А Ленин к ним уже идет,
Все опасения развеяв.
Ильич навстречу им пришел,
Помочь и делом и советом.
А завтра станет тот совет
Бессмертным ленинским декретом..
д. Лямино.

Л. ТАТЬЯНИЧЕВА

Растет

Н О В Ы Й В Е К

Прошедшим летом, когда на тюменской земле проводились Дни советской литературы, в Сургут приезжала большая группа поэтов, прозаиков, литературных критиков. Среди них была известная поэтесса Людмила Татьяничева. Сегодня ее стихи, навеянные этой поездкой, «Северный огонек» предлагает вниманию читателей.

Нефтяной фонтан

Хоть на миг замолчи,
Чтобы каждый услышать мог,
Как трубит нефтяной фонтан
В медногорный огромный рог.
Расступись ты, кондовый лес,
Чтобы мне увидеть —
Хоть раз! —
Как геологи плачут здесь,
Слез счастливейших
Не стыдись.
Они пробуют нефть
На вкус
И в тяжелых ладонях мнут.
Горячо утверждать берусь:
Нет прекрасней таких минут.
Кто в болотах тонул
И мерз,
Углубясь в тайгу-океан,
Тот услышит за сотни верст,
Как трубит нефтяной фонтан!

Ты, промчав меня над топью,
Где мошкарят тяжкий зной,
Одарило встречей с Обью
И с приобской новизной.
Я рассвет встречала тихий
В громком городе Сургут.
Тополь с белой тополихой
В синем мареве плывут.

Следы костров

На просеке,
Идущей в глубь тайги,
Где в двух шагах
Сплошное непролазь,
Костров вчерашних
Резкие круги Черны,
Как у бессоницы
Подглазья.
Дремотный мир
Нехоженых болот!
Звериных глаз
Опасное мерцанье...
Здесь часто
Даже мощный вездеход
Не в силах оправдать
Свое название.
Земля дрожит
И ходит ходуном,
Стараясь оттолкнуть
Землепроходца.
Здесь каждый шаг
Немыслимым трудом
И мужеством немалым
Достается...
Но рвется нефть
Из-под земной коры,
Чтобы вздохнуть
Раскованно и жарко.
Тайга глядит
На первые костры
Со страхом и надеждой,
Как дикарка...

Ты опять со мною, лето

То не лебедь с лебедихой
Легкий пух роняют в пруд,
Тополь с белой тополихой
В синем мареве плывут.
Ты опять со мною, лето,
Ты волнуешь кровь мою
Песней,
Что еще не спета,
Той,
Что я еще спою.

Откровенный разговор

— Давайте поговорим откровенно, — сказал директор.
— Давайте, — согласился я.
— Вы работали инженером?
— Да.
— Не справились?
— Не справился.
— Вам пошли навстречу.
Не умеете работать — руководите. Назначили старшим.
Вы опять не справились.
— Опять.
— Для вас сделали все. Назначили начальником отдела.
Вы не смогли даже этого.
— Да, — сказал я.
— Нам пора расстаться.
Поддавайте заявление по собственному желанию.
— Давайте поговорим откровенно, — сказал я.
— Давайте, — сказал директор.
— Я был инженером — и не справился.
— Да, — сказал директор.
— Вы пошли мне навстречу и назначили старшим.
— Да, — сказал директор.
— Я опять не справился — и стал начальником отдела.
— Вот видите.
— Давайте поговорим откровенно, — сказал я. — Почему же я должен уйти именно сейчас? У меня есть возможности для роста.
Наступила пауза.
Я посмотрел на директора.
Директор посмотрел на меня.
— Да, — сказал, подумав, директор. — Будем последовательны. Придется назначить вас своим заместителем. Но, учтите, это уже последняя инстанция.

Г. ШАХНОВИЧ.

Н. ШАМСУТДИНОВ

Десант

Самолет холодил сталью и оргстеклом
И на заданной высоте
Опал, как ромашка пургой лепестков,
Закованных в кожу тел.
И чрево его было общим на всех,
И дверь в пустоту одна.
Уйдя в небеса от казарм и невест,
Выбрасывался десант.
Настолько б вокруг тишины было впрок,
Что дерзким и молодым
Ее без конца перешагивать вброд
Можно бы до земли,
Когда б не снаряды,
Лулившие в свод,
Как медные языки.
Но, впрочем, прилично спустившийся взвод
Принял бой у реки.
А следом на землю легла,
Точно шрам,
Касательная зари.
И очередь, тело прошившая, шла,

Захлебываясь в крови.
И падал комвзвода, тотчас постарев
Угрюмой расщелиной рта.
И тело принявшая, как постамент,
Светилась под ним трава.
Да вытрепал ветер седой вихорек,
Как стропы, собрав в кулак.
Щемяще-наклонно глаза повело
Куда-то за облака.
Ловили глаза, а чего — не понять,
И смерти тогда пригубив, Врага,
Прошпентав еще: так твою мать, —
Он с силой подгреб к груди.
И долго у немца алела десна,
Надорванно выпихнув крик.
Я б, увидев, подумал:
отдыхает десант,
Сквозь пальцы цветы пропустив.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ. Фотоэтиюд Н. РАЗДОРОВА, нашего нешт. корр.

СОЛНЦЕ еще не скрылось за горизонтом, а вечер уже вступил в свои права, раскурлил за рекой дымки тумана над низинами, заставил перепелов завести свою бесконечную песню: «Спать пора, спать пора». Река играла на водоворотах алыми всплесками, словно вливалась в себя через эти воронки размытые краски заката.
— Клоует? — услышал я за спиной чей-то голос.
— Перестала, — ответил я и обернулся.

Возле меня стоял старик лет семидесяти. Сутулый, усталый. Лицо настолько испачкано временем и горем, что казалось, будто оно слеплено из одних только глубоких морщин. В зубах — трубка, желтая, как яичный порошок, расписанный землистыми жилками.
Старик нерешительно шагнул ко мне поближе, спросил:
— Может, помешал?
— Ну что вы! Вдвоем даже веселее.
— Пожалуй, ты и прав. На миру, говорят, и смерть красна. Сам я, правда, не испытывал, не доводилось как-то... Но раз говорят, значит красна.

— На поминки я пришел. Вот к этой сосне... Каждый год хожу. Под ней в сорок первом с сынками прощались. Лагерь тут был ихний, летний. Во—он на

том бережку, на лугу за рекой. Оба не вернулись. Без вести пропавшие они. Не на миру, стало быть, смерть приняли, без свидетелей.

Старик опустил глаза, поклонился:

А. ЧЕРНЯЕВ

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ БОЛИ

РАССКАЗ

— Ты уж, ради бога, не гневайся, сынок.

С этими словами он медленно, с тяжелейшим вздохом сел под сосну. Заметил, что я хочу его оставить наедине с ожившей бедой, вытянул руки, заторопился:
— Нет-нет, не уходи! Чувешь, благодать-то какая? А?

Где-то прострекотала вспугнутая сойка, будто проскрипели старые ворота. Какая-то гостеприимная птаха спрашивала невесту кого: «Чечевицы хочешь?» Потянул слабый ветерок, продираясь сквозь хвою сосны, под которой сидел дед. Заполочивалась сосна, точно старушка, убаюкивающая внука и смиренно нащептывающая беззубым ртом сказку

о добре и зле. Сквозь этот ее шепот различаю слова:

— Сынки любили слушать ее. Тогда она молода была да стволем поглаже. А теперь вон как поколело кору-то. А ведь

живет... И я живу... А их нет... Вот ведь какая несправедливость. Ты думаешь, что для меня страшней всего? А? Нет, помолчи. Сам все обговорию.

Он снова раскурлил погасшую трубку.

— Для каждого война чем-то страшна. Для меня особо... Род она прикончила. Да, прикончила. Ни сынков, ни внуков не осталось. Некому род продолжать. А какой род-то был! Не из дураков да хилых. А вот кончился. Не будет его больше на земле. Горько? А? Вот то-то и оно. Помру я еще. И все... А она вот шумит, родненькая, ровно разговаривает. Чую тебя, чую, говори... Потеплел взгляд старика... Молчит.

Даже улыбка лицо тронула. Он снова их видел в эту минуту. Молчу и я. Не надо говорить. К человеку на миг не вернулось счастье.

— Двойняшки они у меня были, близнецы. Статные, плечистые. Добровольцами ушли. Я их не корю за это... А мать не перенесла горя, в сорок пятом померла.

И опять потух взгляд.

— Если бы моя воля, так вот тут, под сосной, и схоронил бы себя, чтобы с ними... рядышком. А то ведь на кладбище увезут. А я от них не могу уходить...

— Ведь я здесь, у этой сосны, чую запах их гимнастерок. Ей-богу, чую.

Старик долго сидел, не отнимая рук от лица, думал свою горькую думу. Потом вдруг выпрямился, облегченно вздохнул, будто нашел спасительное для себя решение, погрозил невесту кому пальцем и нараспев выдал:

— Во-от... Я так и сделаю-ю. Здесь помирать буду. Только как почувствовать, когда больнее станет? А? Ведь без малого тридцать годов боль ношу. Какая же она кровососущая, война-то.